

Слово об Алты Карлиеве

Талант, озаренный эпохой

Общественность республики широко отметила 75-летие со дня рождения одного из основоположников туркменского киноискусства, народного артиста СССР, драматурга, режиссера Алты Карлиева. Воспоминаниями о замечательном мастере сегодня делятся известные деятели культуры республики.

Сурай МУРАДОВА, народная артистка ТССР, лауреат Государственной премии Туркменской ССР имени Махтумкули.

— Вспомнить Алты Карлиева — это вспомнить юность, а она у нас совпала с юностью нашей республики, рождением национального театра. Время это было кипучее и тревожное: новое искусство пробивало себе дорогу через огромные трудности, связанные с пережитками прошлого, только начавшейся перестройкой психологии веками забитого, темного, угнетаемого дайханнина. Туркменская театральная студия была создана в Ашхабаде в 1928 году. Я пришла туда двумя годами позже и была поражена царившим там особым духом революционного горения, энтузиазма, работы до самозабвения. Его воплощали в себе Аман Кульмедов, Базар Аманов, Алты Карлиев — все дети простых крестьян, впоследствии ставшие замечательными мастерами, поистине народными артистами.

Даже тогда в Карлиеве юности угадывалась необыкновенно яркая, глубокая, неординарная натура. Редко кого так щедро одаряет природа: прекрасная внешность, обаяние, природный артистизм. Но главным его талантом было беспредельное жизнелюбие, оптимизм, неподражаемое чувство юмора. Эти качества создавали вокруг него какое-то «поле» хорошего настроения, в котором растворялись многие невзгоды. Помню, мы, уже артисты открытого в 1929 году Государственного драматического театра, ехали на первые свои гастроли в Чарджоу. И — надо же! — ночью, когда, устав от репетиций, все крепко спали, кто-то «прихватил» всю нашу обувь. Остались мы совсем босыми! На станции — еще одна неприятность: Алты Карлиев, которого в таком виде приняли за беспризорника, угодил в милицию. А у нас вот-вот должен начаться спектакль, все в напряжении. Когда мы пришли его «вызывать», буквально оторопели: наш товарищ не только не отстаивал свои права, а как своеобразный этюд и впрямь разыгрывал беспризорника. Да так талантливо, естественно, с выдумкой, что мы засмотрелись, пока Алты не залился своим раскатистым, веселым смехом. Нервозности как не бывало... Тогда я поняла, что Карлиев не только на сцене артист — он думает, живет образами.

Он был весь сгусток энергии, состояние покоя ему было незнакомо. Он не мог жить, работать вполнакала, не знал «полутоннов» и в отношениях с людьми. Казалось, что каждая впустую прожитая минута, не принесшая ему новых знаний, не обогатившая общением с интересными людьми, доставляла ему физические страдания.

В работе он был чрезвычайно требователен — и к себе, и к другим. Мне посчастливилось быть партнершей Алты Карлиева все его годы, связанные с нашим театром. На моих глазах, подчас в неимоверных муках и сомнениях, рождались замечательные образы, без которых невозможно сейчас представить историю туркменского театра: Карл Моор в «Разбойниках» Шиллера, Труффальдино в «Слуге двух господ» Гольдони, Хлестаков в «Ревизоре» Гоголя, Яровой в «Любови Яровой» Тренева, Незнамов в пьесе Островского «Без вины виноватые»...

Нам тогда всем очень не хватало опыта, мастерства, выучки. И как-то само собой получалось, что Алты Карлиев, у которого все по-

лучалось ярче, правдивее, стал для нас как бы наставником, оставаясь равным среди равных. Он помогал войти в образ, понять его, добиться простоты и естественности на сцене. Наверное, тогда и выявилось его замечательное режиссерское дарование.

Помню, однажды я подзабыла свою реплику. Карлиев, рассерженный, отстранил меня от репетиции. Из зала я, вконец потрясенная, смотрела, как он, мгновенно перевоплощаясь, играет за двоих. Он-то наизусть знал текст всей пьесы от начала до конца...

Полностью отдаваясь сцене как актер, он еще успевал и сам писать для театра. А. Карлиеву принадлежат пьесы «Пахта», «Айна», «Башлык» и другие.

Да, он был строг, беспощаден к работе. Но и добрее, отзывчивее человека я не знала. Чтоб подработать — мы ведь в то время получали 10 рублей в месяц — Алты устроился билетером в кинотеатр «Ашхабад» (ныне здание ТЮЗа). К нему присоединился Гуллул Ходжаев. Попросился и я. А Алты как старший брат сказал: «Тебя же там могут обидеть. Мы лучше будем тебе отдавать часть заработка...»

Эта доброта, жизнелюбие, человеческое сердце и приносили ему безграничную любовь народа.

Владимир АРТЫКОВ, художник.

— Мне, как участнику создания фильма «Махтумкули», хотелось бы рассказать о днях работы над ним.

Выбору натуры для съемок Алты Карлиев — кинорежиссер уделял большое внимание. Он считал, что пейзаж придает настроение кадру, помогает зрителю поверить в происходящее.

...Наш «газик» пылил по разбитым проселочным дорогам. Рядом с шофером сидел Алты-ага. Он то и дело поворачивался к нам и говорил что-то вроде:

— Нет, вы посмотрите, какой пейзаж! А горы!... Вот красная, вот — черная; словно смоля, а та, дальняя, гряда — синяя. Снимешь так — не поверят, скажут — художник раскрасил.

Затем он просил шофера остановить машину и первым устремлялся на кручу. Мы карабкались следом, ловя себя на том, что режиссер в свои шестьдесят лет легче нас справлялся с высотой. Порой он отыскивал такое место, что мы все дышу давались, до чего интересной оказывалась съемочная точка. И ругаешь себя: сколько бродил по этому району, а не заметил величавой красоты...

Потянулись дни создания режиссерского сценария. Каждое утро мы собирались в одной из комнат киностудии и в жарких спорах, кадр за кадром «складывали» будущий фильм — пока на бумаге. Я по ходу рисовал раскадровку. Не всегда мои мысли совпадали с замыслом режиссера, и тогда Карлиев брал карандаш и вносил поправки.

В такие минуты я испытывал чувство благодарности и мастеру, который тактично, доброжелательно может подсказать нужную мысль без ущерба для твоего самолюбия. То же самое я слышал и от других молодых, которых «открыл» и вывел на широкий творческий путь Алты Карлиев, — актеров Б. Аннанов и Ж. Смелянской, композитора Н. Халмамедова...

В Карлиеве меня поразило его глубокое знание родной земли, быта и фольклора своего народа. Он, казалось, читает свой край, словно книгу. Слушая его рассказ, мы видели уже готовый сценарий, сыгранный в лицах. Его сила перевоплощения была необыкновенной! Он один играл за всех: тут и добродушный старик Мерген, и мудрый Махтумкули, и хитрый Черкез-хан. Режиссер — постановщик сам, по всем правилам, седлал коней, выключил верблюда, учил актеров, как должны сидеть джигит в седле.

Помню и такой случай. На Каспин, где мы снимали,

разыгрался шторм. На глазах у съемочной группы начала падать 15-метровая мачта «корабля». Режиссер первым бросился спасать декорацию, увлекая за собой остальных. По пояс в ледяной воде, вцепившись в крепкие веревки, люди противостояли стихии. Они знали, что на восстановление декораций могут уйти недели.

Но съемка все же остановилась: небо затянуло тучи. Режиссер стал похож на человека, у которого отняли все. Что значит для Алты-ага вынужденный простой, я понял, когда увидел его серое осунувшееся лицо. Прошло несколько мучительных дней. И вот снова яркое солнце осветило побережье, море засверкало мриадами огоньков. Режиссер — сияющий, помолодевший — с жаром принялся за работу.

Хоммат МУЛЛЫК, заслуженный артист Туркменской ССР.

— Всей своей актерской судьбой я обязан Алты Карлиеву. Вместе со мной эти слова могли бы произнести многие мои коллеги — и Баба Аннанов, и Лиза Караева... Без Алты Карлиева не было бы самого туркменского кино, где он сыграл замечательные образы в фильмах «Дурсун», «Далекая невеста», удостоенных Государственной премии СССР, «Сын пастуха», «Салтанат», «Честь семьи»... На экране в его исполнении заигрывали истинно народные герои — правдивые, сильные характером, веселые, темпераментные. Но самый главный шаг кинематограф нашей республики сделал, когда в 1957 году, уже будучи народным артистом СССР, Алты Карлиевич вновь дебютировал, став первым туркменским кинорежиссером.

Мне выпало необыкновенное счастье — участвовать во всех фильмах Карлиева-режиссера. Долгие годы я постоянно, во время съемок и подготовительного периода, был рядом с Алты Карлиевым, видел его в минуты озарений и сомнений. Это яркая, безраздельно отданная искусству жизнь, и я, по возможности, постараюсь в будущем написать о том, чему был свидетелем.

Сразу же после студенческой скамьи я был приглашен на роль Мавы в «Решающем шаге». Дебют в столь масштабной историко-революционной эпопее для актера — дело ответственное, а для режиссера, берущего «необстрелянных» исполнителей, — в чем-то и рискованное. Но Алты Карлиевич буквально окрылял нас своим доверием, разговаривал с нами на равных, любил, когда на съемочной площадке рождались идеи, предлагались интересные решения. Работа с ним стала для нас и творческими, и человеческими университетами.

Помню, какой щедрой прозвучала в его устах похвала тоже начинавшему тогда композитору Н. Халмамедову, писавшему музыку для «Решающего шага»: «Если бы я сочинил хоть одну такую песню, как «Айна», мог бы спокойно умереть». Это был критерий мастера. И мы все старались работать по такой же высшей мерке самоотдачи. Пример мы всегда видели перед глазами. Уже будучи тяжело больным, Алты Карлиевич без всяких скидок продолжал трудиться, завершая фильм «Айны Мукама», за который посмертно был удостоен второй Государственной премии ТССР имени Махтумкули. Хорошо помню его последний день в киностудии. Шло озвучивание сцены с участием Сармана-отца, женщины-бахши. По ходу роли у героя Алты Карлиева была фраза: «В добрый путь, дети мои!» Она прозвучала символично, тем, кого он воспитывал, предстояло идти дорожкой своего учителя. Эти слова как отцовское напутствие всем нам, кто сегодня создает фильмы на студии, тем, кто придет сюда завтра.

Подготовила
Е. ПРИХОДЬКО.